

УДК 80

«БАЛАБАНОВСКИЙ ТЕКСТ» В «ЗЕМЛЕ» МИХАИЛА ЕЛИЗАРОВА: К ВОПРОСУ О ФУНКЦИИ «ЧУЖОГО» СЛОВА В СОВРЕМЕННОМ РОМАНЕ

Ю. В. Доманский

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

В статье рассматриваются отсылки к кинодиалогии Алексея Балабанова «Брат» и «Брат 2» в романе Михаила Елизарова «Земля». На основе этого рассмотрения делаются предварительные выводы о специфике функционирования «чужого» слова в современном отечественном романе.

Ключевые слова: «Чужое» слово, современный роман, Михаил Елизаров, Алексей Балабанов, кино.

Роман Михаила Елизарова «Земля» (2014–2019) изобилует разного рода отсылками к предшествующей культуре в самых разных её проявлениях. И особое место в этом ряду занимает то, что можно назвать «балабановским текстом». Речь идёт о включении в елизаровскую романную ткань отсылок к фильмам Алексея Балабанова «Брат» и «Брат 2». В данной статье мы попытаемся посмотреть на то, каким образом функционирует «балабановский текст» в «Земле» и на этом основании приблизиться к пониманию специфики «чужого» слова в современном отечественном романе.

Сам роман «Земля» представляет из себя изложенную от первого лица историю жизни молодого человека, с раннего детства связанную с миром смерти. Основное действие разворачивается в течение нескольких месяцев 2006–2007 годов в Загорске, куда отслуживший в стройбате Владимир Кротышев приехал к своему сводному старшему брату Никите, в 90-е бандиту, чтобы при его протекции начать работать в кладбищенском бизнесе. Как видим, уже сама ситуация приезда после армии младшего брата к старшему-бандиту (пусть и бывшему) в другой город с целью найти себя явно отсылает к первому «Брату», в завязке которого, напомним, вернувшийся из армии Данила отправляется из своего городка к брату Вите в Петербург; Витя там «киллер с репутацией», однако мама Вити полагает, что он в Ленинграде большой человек, а потому и посылает младшего сына к нему. Можно найти и другие сюжетные переключки с балабановской диалогией, самая очевидная из которых – противостояние двух братьев. Так, у Елизарова причиной противостояния становится то, что Владимир уводит у Никиты девушку; у Балабанова же в первом фильме Витя сдаёт брата бандитам, чтобы уберечься самому, а во втором долго не приходит на место встречи в Чикаго, в итоге никак не помогая Даниле в его миссии восстановления справедливости, хотя именно для этого брата и прилетели в США.

Однако мы сосредоточимся не на сугубо событийных, а на более частных и вместе с тем более точечных отсылках в «Земле» к диалогии Балабанова, на отсылках сугубо цитатного характера, то есть являющих собой примеры вторжения в роман «чужого» слова. Впрочем, и эти отсылки у Елизарова зачастую связаны с восходящими к балабановским «Братьям» сюжетными ходами, хотя, как представляется, функция их не только и не столько в том, чтобы поддержать сугубо событийный ряд.

И уже первая отсылка к «Брату», отсылка, пусть и не атрибутированная в тексте романа, но предельно легко узнаваемая, прямо связана с описанной выше сюжетной ситуацией встречи братьев – отслужившего в армии младшего и успешного в гражданской жизни старшего. В «Земле» Никита встретился с вернувшимся с армейской службы

своим младшим братом Володей (повествование в романе ведётся от лица Владимира Кротышева). Никита говорит:

«...Батя говорил, ты в стройбате служил...
Я не успел кивнуть. Насмешливый женский голос сказал раньше:
– Нет, в штабе писарем отсиделся» [1. С. 112–113].

Женский голос в данном фрагменте принадлежит девушке Никиты Алине, которая впоследствии уйдёт от Никиты к Володе. В фильме же Балабанова диалог, содержащий цитируемую фразу, выглядит так:

Виктор: Мать писала, на войне был.
Данила: Да нет, в штабе там отсиделся, писарем.

При этом по тому, как ведёт себя Данила, сталкиваясь с противниками, по его подготовленности, например, в плане владения оружием, а во втором «Брате» уже и прямо – из интервью в телестудии – мы понимаем и узнаём, что Багров-младший активно принимал участие в боевых действиях в Чечне. В романе применительно ко времени описанного диалога Алина пока не знакома с Володей, но реагирует на реплику Никиты ответом, который должен бы произнести Владимир. Впрочем, Владимир собирался всего лишь кивнуть, а Алина вовремя подоспела с нужной цитатой, употреблённой, разумеется, иронично: война и стройбат совместимы только в советских анекдотах, согласно которым именно военный строитель самый сильный воин в армии, ведь ему даже оружие не выдают. Алина и дальше будет не раз что-то цитировать, источником же цитат будет, прежде всего, актуальная культура. То есть можно сказать, что само наличие цитаты из конкретного источника в речи персонажа уже характеризует его, как погружённого в определённые культурные пласты. Вместе с тем данный фрагмент, благодаря включённой в него цитате уже может подготовить читателя к тому, что в романе, как и в дилогии Балабанова, возникнет событийный ряд, связанный с криминальными разборками; так оно и будет далее у Елизарова, и Владимир покажет себя в этой войне вполне достойным её солдатом. Так что, несмотря на всю иронию, вкладываемую контекстом в данную цитату, цитата эта участвует и в формировании сюжета. Наконец, данная цитата из «Брата» формирует определённое предпонимание у читателя; и согласно этому предпониманию, в дальнейшем главный герой романа может осмысливаться через сближение его с главным героем фильма. Так в высокой степени и случится: и в аспекте происходящих в «Земле» событий, и в аспекте характера героя-рассказчика романа, его понимания мира и себя в мире.

На такое прочтение указывает уже следующий по порядку эпизод в «Земле», соотносимый с «балабановским текстом»; здесь содержится отсылка уже ко второму «Брату». Вновь нет атрибуции, но претекст легко узнаваем – это поездка Данилы по Москве на такси с недовольным всем водителем. У Елизарова же Никита везёт Володю по Загорску на своей машине и в числе прочего вдруг прерывает свой монолог реакцией на дорожную ситуацию:

«Куда?! Куда, овца, блять?! – неожиданно взревел Никита, грохнул кулаком по рулю, яростно просигналил вильнувшей справа малолитражке. – Понакупают тварям машин, а водить не обучат!.. – Никита полминуты свирепо дышал табаком» [1. С. 130].

Очевидный, хотя и не эксплицированный Елизаровым претекст здесь – реплика везущего Данилу московского таксиста из «Брата 2»: «Наплодили уродов! Сначала машину купят, потом права, а то, что ездить надо уметь...» и пр. В фильме Балабанова

эпизод с таксистом в Москве важен тем, что он попадает в грядущую параллель с эпизодом, где таксист в Нью-Йорке везёт Данилу из аэропорта на Брайтон-Бич. Очень близкие в плане резкого недовольства миром, людьми и конкретно своим пассажиром реплики двух таксистов побуждают Данилу спросить у нью-йоркского таксиста: «А у вас брата в Москве нет?», тем самым эксплицировав (разумеется, не в первый и не в последний раз по ходу диалогии) название балабановского фильма, а вместе с этим затронув в определённой грани и важную проблему обоих фильмов – отношения между братьями, глубину и сложность самого понятия «брат». В сцене с приведённой выше репликой Никиты в «Земле» Володя оказывается в роли Данилы Багрова в машине, где водитель позиционирует себя как антагонист пассажиру. Напомним, московский таксист, явно выражая негативное отношение к пассажиру, отвечает Даниле на его невинные просьбы погудеть и подождать фразами, ставшими после фильма расхожими цитатами: «Это тебе погудят, когда на пароходе поплывёшь» и «Таких придурков даже бабы не ждут»; когда же Данила назвал Театр на Таганке «вон тем домом», то таксист фактически прямо назвал своего пассажира дебилом («В нашем поколении дебилов было меньше»). Антагонизм уже отчётливо намечается и между двумя братьями у Елизарова, а реплика Никиты в машине, очевидно отсылающая к Балабанову, становится предтечей данной сюжетной ситуации, предупреждая распознавшего цитату читателя о грядущем конфликте. То есть казалось бы вскользь брошенная, «случайная» фраза тем не менее формирует в аспекте читательского предпонимания и грядущий событийный ряд, и, как и в предыдущем случае, сближение характеров Владимира Кротышева и Данилы Багрова. Но не менее важно и то, что данное подключение «чужого» слова отчётливо выполняет и функцию создания вполне определённого колорита, формируемого артефактом из культуры самого конца прошлого века. Нельзя сказать, что эта функция важнее функции сюжетной и функции персонажной, однако именно она позволяет видеть за «чужим» словом, включённым в новый для себя контекст, важный художественный приём создания особой атмосферы, способствующей более глубоким и объёмным представлениям читателя о мире, создаваемом в романе; возникающее благодаря цитате соотношение мира «Земли» с миром «Братьев» призвано в числе прочего сблизить и атмосферы этих миров, подкрепить в данном плане один мир другим.

Такому «атмосферному» сближению способствует и то, что данная отсылка ко второму «Брату» у Елизарова выступает в системе с той отсылкой к первой части балабановской диалогии, которая была отмечена выше – к фразе Алины про писаря в штабе.

И следующее включение «балабановского текста» в «Земле» тоже направлено на отмеченное «атмосферное» сближение миров романа и фильма. В отличие от двух предыдущих, это включение уже атрибутировано в тексте романа. Внешность сотрудницы «Похоронного супермаркета» описывается Владимиром-рассказчиком через соотношение с Дашей-Мэрилин из второго «Брата»:

«Ей очень шла чудная причёска – чёрно-смоляное каре, как у лысой проститутки из второго “Брата”, но точно с криво надетым париком: один висок и часть затылка выбриты, а волосы волной спадают на противоположное плечо» [1. С. 554].

Само сочетание «причёска <...> как у лысой» выглядит почти оксюморонно, но всем, смотревшим «Брата 2», понятно, о чём, вернее, о ком речь. Возможно, не все помнят, как зовут этого персонажа фильма Балабанова, но бытовая номинация действующего лица, как часто и бывает в таких случаях, происходит по внешнему виду и статусу; кстати, почти так на концерте «Брат 2. Живём» в московском СК «Олимпийский» 9 сентября 2000 года назвал эту героиню ведущий концерта Виктор Сухоруков, исполнитель роли Вити у Балабанова: «Жители России, будущей нашей страны! Я

хочу вам передать огромный привет от нашей бритоголовой проститутки Мэрилин». В портретной характеристике елизаровской героини, данной с точки зрения Владимира Кротышева, используется отсылка к внешнему облику балабановской Мэрилин в тех эпизодах, когда на её голову надет парик. Трудно сказать, позволяет ли читателю такое соотнесение представить сотрудницу «Похоронного супермаркета» по внешности точь-в-точь копией актрисы Дарьи Лесниковой в образе чикагской проститутки; возможно, да, ведь вербальная отсылка к очевидно визуальному как раз и должна способствовать такого рода представлениям. Не менее важно, что читатель на основании приведённого рассказчиком сравнения может предположить, что далее отношения Владимира и этой героини напомнят отношения Данилы и Даши-Мэрилин в «Брате 2», то есть они вместе будут восстанавливать справедливость, а заодно – и гармонию. И пусть этот ход в «Земле» никуда не приведёт, пусть он «холостой», но он всё равно случился на какой-то момент для читателя, а значит, и сюжетная функция (пусть и не состоявшаяся, а только временно гипотетическая) наряду с сугубо портретной у данной отсылки тоже есть. Между тем, как и в предыдущих случаях, такая сюжетная функция лишь, что называется, одна из. Наряду с ней приведённая отсылка (во многом уже в системе с предыдущими отсылками к «Братьям») формирует ту самую атмосферу художественного мира «Земли», которую читатель соотносит с атмосферой дилогии Балабанова, и в этом соотнесении один мир прочитывает через другой; постигает незнакомое через то, что ему известно, а в итоге глубже понимает это незнакомое.

Итог же подключению «балабановского текста» в роман Елизарова подводит эпизод, отсылающий к финалу первого «Брата» прямо, эксплицированно и даже на уровне рефлексии главного героя «Земли», то есть аналитически. Володя поймал машину, сел рядом с водителем, напоминающим черноморского боцмана...

«Мне представилась финальная сцена из первого “Брата”. В фильме душевный дальнбойщик, заметив выскользнувший обрез, ещё больше теплел к Даниле-киллеру, хотя, по идее, должен был нехило очкануть. Я умиленно поглядывал то на мой негнувшийся левый рукав, то на водителя» [1. С. 586].

В рукаве у Володи не обрез, конечно, а полицейская дубинка, но негнущийся от этого рукав позволяет герою соотнести себя с Данилой (напомним, что это соотнесение уже должно было сформироваться у читателя, благодаря предыдущим отсылкам к дилогии Балабанова в «Земле»), а напоминающего черноморского боцмана водителя старенькой «Нивы» – с дальнбойщиком в тельняшке из «Брата». Однако в процессе поездки умиление Володи проходит – водитель по речевому поведению оказывается больше похож на московского и нью-йоркского таксистов из второго «Брата», нежели на дальнбойщика из первого. Владимир похвалил машину – «Добрая машинка... – просто хотел сказать что-то приятное», водитель же, напротив, обругал её: «Рухлядь!..»

«– Я не очень в этом разбираюсь, – миролюбиво согласился я.

– Ну, а шо тогда говоришь, если не разбираешься?! – он раздражённо цыкнул.

Светлое настроение моё мигом улетучилось. Я почему-то ужасно оскорбился: не за себя даже, а за похеренную снежную идиллию из “Брата”. Напоказ (всё равно кошелёк лежал в левом кармане штанов, и чтобы добраться до денег, пришлось бы освободить рукав) вытащил дубинку и положил на колени. Покосился, какое это произвело впечатление. Но “боцман” не отводил глаз от дороги» [1. С. 586].

Как видим, в этом эпизоде происходит нарочитая инверсия, а вместе с ней и редукция и атмосферы, и смысла эпизода-источника из балабановской дилогии. Причём эти атмосфера и смысл прямо воспроизводятся елизаровским рассказчиком («душевный

дальнобойщик ... ещё больше теплел к Даниле-киллеру»). Тем печальнее для рассказчика видеть наглядное разрушение такого доброго для него претекста. И ожидание читателя тоже нарочито обманывается, ведь он уже успел за предыдущие отсылки сблизить елизаровского героя с Данилой Багровым, а потому и ожидал, что начавшаяся так сцена совпадёт с «тёплым» финалом первого «Брата». Однако то, что этого не произошло, а произошло фактически обратное, тем не менее не отменяет важности отсылки данной отсылки к фильму Балабанова, ведь и инверсия, и редукция – это тоже способы актуализации. А кроме того, именно этот эпизод отчётливо показал, что сам Владимир не чужд идее отождествления себя и происходящего в его жизни (пусть эта жизнь тоже носит художественный характер) с культовым героем из кино конца прошлого века и событиями, происходящими с этим культовым героем. Такое позиционирование героем-рассказчиком себя, реальности и себя в реальности через кинотекст-предшественник позволяет говорить о том, что в романе Елизарова формируется особый мир, понимание которого вряд ли возможно без обращения читателя к миру балабановской диалогии.

И мир фильмов Балабанова становится ключом к пониманию мира «Земли» в аспекте создаваемого колорита эпохи, атмосферы. В этой связи важно, что все описанные эпизоды отсылок к балабановской диалогии в елизаровском романе складываются в систему. И данная система включения «балабановского текста» в роман Михаила Елизарова «Земля» в какой-то степени работает на смысловое приращение текста-реципиента за счёт смыслов текста-источника, когда «через цитату <...> происходит подключение текста-источника к авторскому тексту, модификация и смысловое обогащение последнего за счёт ассоциаций, связанных с текстом-предшественником» [2. С. 10]. И действительно, те грани смысла взаимодействия «Земли» и двух «Братьев», что связаны с сюжетом, с событийным рядом, позволяют сделать вывод о смысловом обогащении елизаровского романа за счёт цитируемого текста-предшественника на уровне происходящих в романе событий, то есть на уровне сюжетном. Однако гораздо в большей степени подключение в роман современного автора «балабановского текста» способствует формированию особого колорита, если угодно – атмосферы, а вместе с этим и экспликации мироощущения человека описываемой эпохи, мироощущения, раскрываемого через культурные претексты, возникающие словно случайно.

Здесь не следует забывать, что роман «Земля» завершённый Елизаровым в 2019 году, тем не менее по времени действия отнесён к 2006–2007 годам. В этом плане роман ближе ко времени действия балабановской диалогии (конец 1990-х годов), нежели ко времени, когда автор закончил свой текст, а стало быть, и эпоха, и человек у Елизарова ближе к тому, что происходило в конце прошлого века. И балабановский культурный претекст для героя-рассказчика не историческая архаика, а очевидная повседневность, воспроизведённая в искусстве через, в числе прочего, разного рода подробности, вполне кажущиеся случайными. Приведём пример такого рода случайной подробности из первого «Брата». В эпизоде, где раненый Данила на квартире деда разговаривает с Немцем о смысле жизни, вернувшаяся Зинка говорит: «Ларёк-то закрыли внизу». На этой фразе эпизод заканчивается. Разумеется, фразу можно привязать к событийному ряду, оправдав тем самым мотивировку её введения в текст фильма – перед этим Немец отправляет Зинку в аптеку за бинтами, стрептоцидом и антибиотиками, а кроме того, просит взять «водки покрепче» и деду что-нибудь, «чтобы не нудел»; то есть фразой про закрытый ларёк Зинка могла оправдать то, что она ходила за водкой несколько дольше, чем могла бы, если бы ларёк был открыт (вероятно, следует напомнить, что во второй половине 90-х водку продавали и в ларьках), а сюжетно долгое отсутствие Зинки мотивировало долгую беседу Данилы и Гофмана. Однако такое прочтение отнюдь не отменяет понимания данной реплики как экспликации случайной подробности, создающей колорит времени. Вот что пишет пользователь Интернета Лангобард (langobard) в ЖЖ в 2018 году:

«“Брат-1” это самая точная экранизация повседневности, что я, например, вообще когда-либо видел в кино. Там схвачены микроскопические мелочи, глубину которых, наверное, поймёт только тот, кто жил тогда. Фразы вроде “ларёк-то закрыли внизу”, – мог вставить в фильм только очень наблюдательный к жизни и чувствительный именно к реальности, а не к высоким творческим идеям человек» [3].

И ещё показательно, что данная мелочь, вскользь брошенная фраза поставлена в сильную позицию – в финал эпизода. Но завершает она не событийный ряд эпизода (лечение Данилы после ранения), не философский план – разговор Данилы и Немца о смысле жизни; фраза эта выводит смысловой план фильма в повседневность, в быт; художественно создаётся неповторимый облик той эпохи, где были ларьки с водкой и где эти ларьки почти стихийно открывались и закрывались, что, конечно, не было Событием, но было событием, из череды которых создавалась тогдашняя повседневность, тот быт, в котором и существовал человек. И подробность эта отнюдь не единственная в первом «Брате», система же их сформировала художественный портрет Петербурга второй половины 90-х годов – того самого времени, которое (кстати, во многом благодаря шедевралу Балабанова) оказалось мифологизировано. То же самое можно сказать и о деталях во второй части балабановской дилогии уже применительно к Москве, Нью-Йорку и Чикаго. Родоначальником же в воспроизведении в искусстве случайных подробностей жизни с полным на то правом может считаться Чехов, в творчестве которого возникает «*эффект* случайности – тот главный эффект <...>, который был нужен Чехову для изображения жизни во всей её “живой” сложности» [4. С. 498; курсив А. П. Чудакова]. Именно у Чехова «в сцену, эпизод может быть включена подробность, к ним прямого отношения не имеющая. В прежнем понимании целесообразности такая деталь “не нужна” этой сцене, этому произведению. Но она нужна при новом, гораздо более широком понимании художественной целесообразности» [4. С. 681]. То есть у Чехова «явление получило право быть изображённым не только в своих существенных чертах, но и в сопутствующих, преходящих, случайных, – тех, что всегда могут непредсказуемо возникнуть в живом потоке бытия <...>. Чеховская художественная система прежде всего фиксирует незакономерное, необязательное – то есть собственно случайное, расширяя возможности искусства» [4. С. 682]. В течение прошлого века данный чеховский приём стал общим местом, однако его распространённость не только не исключает, а даже подчёркивает те случаи, когда этот приём используется, если можно так сказать, красиво, ярко, в итоге же – уникально. Так было в фильмах Алексея Балабанова, так получилось с использованием «балабановского текста» в романе «Земля» Михаила Елизарова, когда «чужое» способствовало созданию особой атмосферы, в которой по-особому раскрывалась и эпоха, и мироощущение человека этой эпохи.

Таким образом, система отсылок к дилогии Балабанова в «Земле» выступила системой вполне чеховских по природе своей «случайных подробностей», основанных на обращении современного автора (а вслед за ним и его героя-рассказчика) к актуальному, но уже ставшим классическому кинопретексту. И эта система «чужих» слов, участвуя в сюжете, формируя у читателя разного рода предпонимание тех или иных элементов романа, система «случайных подробностей», создающих совершенно особый колорит, через который и характер героя, и происходящее с ним, и мир, в коем герой существует, раскрываются едва ли не в большей степени, нежели через то, что можно назвать событиями. И предварительные наблюдения показывают, что для современных русских романистов характерно именно такое отношение к введению в собственный текст цитат из текстов-предшественников, особенно тех, что не очень далеки от наших дней по времени. Можно даже сказать, что современный роман старается вовлечь читателя в свой мир не захватывающими событиями, а именно атмосферой, складывающейся из «случайных подробностей» зачастую цитатного характера, что способствует формированию у

читателя предпонимания на основе эффекта узнавания, а в итоге углубления понимания мира, создаваемого в романе. И включение «балабановского текста» в роман Елизарова «Земля» тому пример.

Список литературы

1. Елизаров, М. Земля / М. Елизаров. – М. : Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. – 781 с. – Текст : непосредственный.
2. Козицкая, Е. А. Цитата в структуре поэтического текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Козицкая, Екатерина Арнольдовна. – Тверь, 1998. – Текст : непосредственный.
3. Лангобард. Балабанов и структуры повседневности / Лангобард. – Текст : электронный // LIVEJOURNAL. – 26.05.2018. – URL: <https://langobard.livejournal.com/7901402.html> (дата обращения: 12.11.2021).
4. Чудаков, А. П. Поэтика Чехова. Мир Чехова: Возникновение и утверждение / А. П. Чудаков. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 704 с. – Текст : непосредственный.

“BALABANOV’S TEXT” IN THE “EARTH” BY MIKHAIL ELIZAROV: TO THE QUESTION ABOUT THE FUNCTION OF AN “ALIEN” WORD IN A MODERN NOVEL

Yu. V. Domansky

Russian State University for the Humanities, Moscow, domanskii@yandex.ru

The article examines the references to the filmology of Alexei Balabanov “Brother” and “Brother 2” in the novel “Earth” by Mikhail Elizarov. On the basis of this consideration, preliminary conclusions are drawn about the specifics of the functioning of the “foreign” word in the modern Russian novel.

Key words: “Alien” word, modern novel, Mikhail Elizarov, Alexey Balabanov, cinema.

References

1. Elizarov, M. (2020). *Zemlya* [Earth]. Moskva, Izdatelstvo AST: Redaktsiya Elenyi Shubinoy, 781 p. (In Russ.).
2. Kozitskaya, E. A. (1998). *Tsitata v strukture poeticheskogo teksta* [Quotation in the structure of the poetic text]. Tver. (In Russ.).
3. Langobard. (2018). Balabanov i strukturyi povsednevnosti [Balabanov and the structures of everyday life]. *LIVEJOURNAL*. 26.05.2018, available at: <https://langobard.livejournal.com/7901402.html>, accessed 12.11.2021. (In Russ.).
4. Chudakov, A. P. (2016). *Poetika Chehova. Mir Chehova: Vozniknovenie i utverzhdenie* [Chekhov’s poetics. The world of Chekhov: The emergence and approval]. SPb., Azbuka, Azbuka-Attikus, 704 p. (In Russ.).

Доманский Юрий Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и исторической поэтики Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета; старший научный сотрудник Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина.

domanskii@yandex.ru